

Алексей
Корнелюк

ПЛАНЫ
СКРЫТЫЕ
МОТИВЫ
ТИХИЕ
КОНФЛИКТЫ
БОЛЬШИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

БЛИЖЕ,
ЧЕМ
ДЕНЬГИ.
ДАЛЬШЕ,
ЧЕМ
ЛЮБОВЬ?

ДЕНЬГИ НА ДВОИХ

О деньгах,
власти
и справедливости
в паре

КТО
ПЛАТИТ?
КТО
РЕШАЕТ?
КТО
ВЫИГРЫВАЕТ?

ЛЮДИ
ОТНОШЕНИЯ
ДЕНЬГИ

Алексей Корнелюк
Деньги на двоих
Серия «Без лишнего трепача к лучшей жизни», книга 5

*<https://litres.ru/74418557>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Любовь отлично справляется без Excel. Деньги — хуже. Пока всё хорошо, кажется, что какая разница, кто сколько зарабатывает, кому принадлежит квартира и зачем вообще считать вклад в семью. Потом один уходит в декрет, другой начинает зарабатывать в пять раз больше, родители просят помочь, бизнес требует денег, а общий счёт внезапно становится полем боя.

«Деньги на двоих» — книга не про семейный бюджет. Она про власть, справедливость, личные деньги, общий капитал, детей, долги, карьерные жертвы, помощь родителям, бизнес, финансовую неверность и правила, о которых пары обычно договариваются слишком поздно.

Потому что у двух людей может быть одна семья и две совершенно разные финансовые реальности. И если о деньгах не договориться самим, они довольно быстро договорятся за вас.

Алексей Корнелюк

Деньги на двоих

Деньги на двоих

В начале отношений деньги обычно ведут себя прилично. Двое сидят в баре, один платит за ужин, второй покупает кофе утром, никто не достаёт калькулятор и не спрашивает, почему паста с морепродуктами стоила на восемьсот рублей дороже салата. Деньги пока выполняют роль мебели. Они где-то есть, иногда заканчиваются, иногда появляются, но разговаривать о них всерьёз кажется почти неприличным. Люди значительно охотнее рассказывают друг другу про бывших, детские травмы и странную привычку спать с открытым окном, чем про то, сколько должны банку, сколько лежит на счетах и почему при виде человека, который берёт кредит на отпуск, у одного начинается нервный тик.

Потом отношения становятся длиннее. Появляется квартира, которую уже неудобно оплачивать двумя отдельными переводами. Покупается диван. Кто-то начинает чаще оставаться у другого. Потом оказывается, что один заказывает продукты, второй платит за рестораны, первый оплачивает интернет, потому что однажды первым увидел уведомление, а второй уже полгода покупает бытовую химию и сам не знает почему. Никто не принимал решение построить именно такую финансовую систему. Она образовалась примерно так же, как ящик с пакетами под раковиной: сначала туда положили один, потом ещё три, а через год это уже часть семей-

ной инфраструктуры, происхождение которой никто не способен объяснить.

На этом этапе люди обычно говорят хорошую фразу: «Мы как-нибудь разберёмся». Человечество вообще очень любит эту фразу. Благодаря ей начинаются ремонты, бизнесы, браки, ипотеки и поездки в страны, где никто заранее не посмотрел, нужна ли виза. Иногда действительно разбираются. Иногда через семь лет двое взрослых людей сидят ночью на кухне и обнаруживают, что один всё это время считал деньги общими, а второй — своими, просто доступными семье. Разница небольшая, пока денег мало. Когда появляется квартира, бизнес, инвестиционный счёт или наследство, философия внезапно становится дорогой.

Представим обычную пару. Назовём их Антон и Марина. Никаких особых проблем. Антон зарабатывает четыреста пятьдесят тысяч рублей, Марина — сто восемьдесят. Живут вместе пять лет, женаты три. Есть ребёнок. Квартира куплена в ипотеку. Антон вносил первоначальный взнос, потому что к моменту знакомства у него уже были накопления. Ипотеку после свадьбы платят из общего денежного потока, хотя технически большую часть денег приносит он. Марина оплачивает почти всё, что связано с ребёнком и домом, потому что так сложилось. Это выражение «так сложилось» вообще обслуживает половину семейной экономики.

Однажды Марина говорит, что хочет уменьшить нагрузку и работать четыре дня вместо пяти. Ребёнок часто болеет,

няня неудобная, да и работа ей осточертела чуть больше, чем положено по трудовому законодательству.

Антон спрашивает:

— А по деньгам сколько будет?

Она называет сумму.

Он некоторое время молчит.

— Тогда я вообще один буду всё тянуть.

Фраза выходит спокойно. Даже без злости. Именно поэтому она особенно хорошо работает.

Марина отвечает:

— В смысле один?

Антон смотрит так, будто вопрос требует вызвать специалиста.

— Ну а кто?

И вот здесь начинается глава, хотя формально ничего интересного не произошло. Никто не изменил. Никто не украл семейные накопления. Не появился тайный кредит на три миллиона. Один человек просто произнёс вслух модель, которая много лет жила у него в голове.

Для Антона «вклад в семью» довольно тесно связан с банковскими поступлениями. Он не плохой человек. Он не сидит вечерами с калькулятором, оценивая стоимость каждой вымытой тарелки. Он просто вырос в доме, где отец работал много, мать работала меньше, а фраза «папа нас содержит» произносилась как описание погоды. Отец действительно приносил большую часть денег. Поэтому в голове Антона за-

крепилась довольно простая конструкция: тот, кто приносит деньги, финансово обеспечивает семью; всё остальное тоже важно, но относится к другой категории.

Марина выросла в другой семье. Её родители зарабатывали примерно одинаково. Мать хранила деньги отдельно, отец отдельно, крупные расходы обсуждали вместе. Никто никогда не говорил «мои деньги», если речь шла о семье. Поэтому фраза Антона «я всё тяну» для неё звучит не как арифметика. Она слышит: всё, что ты делала последние пять лет, не считается.

Оба человека пришли к этому разговору не сегодня. Они пришли к нему лет за двадцать до знакомства.

У денег есть неприятная особенность: они очень хорошо запоминают детство. Человек может забыть имя классного руководителя, первую двойку по физике и половину родственников, которых видел на свадьбе двоюродного брата, но семейные финансовые правила прекрасно живут внутри. Не обязательно словами. Иногда ощущениями. Деньги опасны. Деньги нужно тратить, пока есть. О долгах нельзя рассказывать. Хороший мужчина платит. Нормальная женщина должна иметь свои. Богатым людям доверять нельзя. Бедность стыдна. Просить деньги унижительно. Экономить правильно. Экономить мелочно. Кредит — зло. Кредит — нормальная часть жизни. Недвижимость — безопасность. Наличные под матрасом — безопасность. Дорогая вещь доказывает, что ты не зря работаешь. Дорогая вещь доказывает,

что ты идиот.

Ребёнку никто не выдаёт инструкцию «семейные финансовые установки, версия 3.2». Он просто смотрит.

Отец получил зарплату и молча отдал матери. Значит, так устроены деньги.

Мать прячет покупки и говорит: «Только папе не говори, сколько стоило». Тоже урок.

Родители каждую неделю ругаются из-за денег. Урок.

О деньгах вообще не говорят. Ещё один урок.

После зарплаты дома праздник, через неделю пусто. Урок.

Отец потерял работу, и атмосфера в квартире изменилась так, словно вместе с зарплатой он потерял право громко разговаривать. Очень хороший урок, хотя никто его не заказывал.

Мать всегда держала пачку наличных отдельно и однажды сказала дочери: «У женщины должны быть деньги, чтобы в любой момент уйти». Эту фразу можно забыть сознательно и всё равно двадцать лет спустя нервничать, когда партнёр предлагает объединить счета.

Люди иногда думают, что их финансовое поведение рационально. Забавная версия происходящего. Один человек держит год расходов наличными и объясняет это грамотным управлением риском. Возможно. А ещё его отец когда-то потерял всё в девяностые, и четырнадцатилетний мальчик два месяца слушал разговоры о том, что платить за квартиру нечем. Другой вкладывает почти все свободные деньги и го-

ворит о неэффективности кэша. Возможно, он действительно хорошо понимает инвестиции. А возможно, в его семье деньги никогда не задерживались, поэтому лежащая без дела сумма вызывает почти физическое желание что-нибудь с ней сделать.

Исследователи финансового поведения используют понятие *money scripts* — денежных сценариев. Название звучит так, будто внутри каждого сидит маленький бухгалтер-драматург и пишет сюжет очередного кредита, но идея полезная. Мы усваиваем набор представлений о деньгах, часто довольно рано, а затем годами действуем так, словно это объективные законы экономики. Они не всегда сформулированы. Человек редко думает: «Моя базовая финансовая установка состоит в том, что деньги являются мерой безопасности». Он просто десятый год подряд отказывается потратить накопления даже на нужную вещь и раздражается на партнёра, который не понимает, почему покупка автомобиля при наличии двадцати миллионов капитала воспринимается почти как пожар.

Есть люди, для которых деньги прежде всего означают безопасность. Они любят запас. Не обязательно огромный. Главное, чтобы он существовал. Сумма на счёте снижает шум в голове. Такой человек может спокойно жить в квартире попроще и ездить на старой машине, если знает, что при потере работы год ничего страшного не случится. Партнёр смотрит на него и иногда думает, что рядом живёт человек,

который решил оставить всё удовольствие наследникам.

Для другого деньги означают возможность жить сейчас. Он не обязательно безответственный. Просто не очень понимает удовольствие от цифры в приложении. Деньги должны превращаться в поездки, хорошую еду, красивый дом, удобство, впечатления. Если их не использовать, зачем вообще столько работать? Он смотрит на первого и видит человека, который каждый месяц покупает себе прекрасное будущее и почему-то никогда туда не переезжает.

Они могут зарабатывать одинаково. Иметь одинаковое образование. Даже читать одни и те же книги о финансах. Через пять лет один будет считать второго транжирой, второй первого — скупым. Оба будут приводить цифры, хотя спор идёт значительно глубже. Один защищает право чувствовать себя в безопасности. Второй защищает право чувствовать, что жизнь уже происходит.

Это важная вещь, потому что пары регулярно пытаются решить эмоциональный конфликт арифметикой. Если один хочет держать пять миллионов в резерве, а второму хватает миллиона, они начинают спорить о процентах, инфляции и доходности. Можно провести замечательный вечер. Один покажет депозит, второй график фондового рынка, потом кто-нибудь скажет «ты просто не понимаешь деньги», и финансовый разговор наконец приобретёт нормальную семейную температуру.

Хотя полезнее было спросить: что именно происходит с

тобой, если на счёте остаётся миллион?

Иногда ответ оказывается интереснее доходности облигаций.

«Мне становится страшно».

«Мне кажется, мы снова живём от зарплаты».

«Я так рос и больше не хочу».

«Я начинаю чувствовать, что зависим от работы».

Вот теперь хотя бы понятно, что обсуждается.

Другой человек может ответить:

«Когда мы держим столько денег и ничего не делаем, мне кажется, что мы откладываем жизнь».

И у нас наконец появляются два живых человека, а не два плохо подготовленных финансовых аналитика.

Есть ещё сценарий, который особенно хорошо портит отношения: деньги как показатель любви. Тут начинается настоящее веселье. Если любит — заплатит. Если любит — не пожалеет. Если любит — купит нормальное кольцо. Если любит — не станет спрашивать, сколько стоит подарок. Если любит — поможет. Если любит — не будет делить расходы пополам. Если любит — даст доступ ко всем счетам. Если любит — не потребует доступ ко всем счетам. Любовь вообще удивительно удобная валюта. Ею можно оправдать почти любую финансовую конструкцию, особенно ту, которая выгодна говорящему.

Один мужчина может искренне считать, что оплачивать всё — его способ заботиться. Он не покупает власть, не пы-

тается контролировать женщину и вообще не читал книг с названием «Как стать альфа-самцом за выходные». Ему приятно платить. В его семье так делал отец. В его окружении это считается нормальным. Рядом оказывается женщина, которая воспринимает полную финансовую зависимость как опасность. Ей неприятно просить. Она хочет участвовать. Он слышит отказ от заботы. Она видит попытку поставить её в зависимое положение.

Оба способны обидеться после дорогого ужина.

Очень эффективное использование четырнадцати тысяч рублей.

Другой семейный сценарий — деньги как доказательство собственной ценности. Человек много зарабатывает и через доход отвечает себе на вопрос, чего он стоит. Пока доход растёт, всё прилично. Потом партнёр начинает получать больше.

Некоторым парам это совершенно не мешает. Другим неожиданно мешает очень сильно.

Мужчина, который всю жизнь считал способность обеспечивать семью частью мужской роли, может искренне радоваться успехам жены до первого месяца, когда её доход становится вдвое выше. Потом он начинает странно комментировать её занятость, жаловаться, что работа слишком важна, или вдруг особенно активно интересоваться тем, кто забирает ребёнка из сада. Он не обязательно думает: «Меня пугает потеря финансового превосходства». Люди вообще редко

произносят неприятные мысли в такой удобной форме. Он говорит: «Ты совсем зациклилась на деньгах».

Иногда женщина делает ровно то же самое. Она привыкла, что мужчина зарабатывает больше, и снижение его дохода воспринимает не как временный финансовый факт, а как поломку человека. Он может готовиться к запуску бизнеса, менять профессию, переживать плохой год — но в семейном воздухе появляется почти незаметное снижение уважения. Формально никто ничего не сказал. Просто за ужином стало чуть прохладнее.

Поэтому разговаривать о деньгах в паре трудно не потому, что люди плохо знают математику. Большинство вполне способно сложить две зарплаты. Проблема в том, что рядом с каждой цифрой лежит куча вещей, которые калькулятор не показывает: страх, стыд, статус, зависимость, забота, уважение, свобода, опыт родителей и несколько особенно удачных фраз из детства.

«Мы не можем себе этого позволить».

«Деньги тяжело достаются».

«Не считай чужие деньги».

«Мужчина должен».

«Женщина должна иметь своё».

«Богатые тоже плачут», хотя бедные почему-то от этой информации обычно не богатеют.

«Главное не деньги».

Последняя фраза особенно хороша. Обычно её произно-

сит человек непосредственно перед очень дорогим решением.

Есть пары, где один вырос в достатке, второй — в постоянной нехватке. На бумаге это просто две биографии. В совместной жизни они иногда превращаются в ежедневный переводчик.

Для человека, выросшего с деньгами, сломанная стиральная машина — покупка стиральной машины. Для человека из семьи, где такой расход мог уничтожить месяц, сломанная техника иногда остаётся маленькой чрезвычайной ситуацией даже при хорошем нынешнем доходе. Он начинает сравнивать цены, читать тридцать отзывов, ждать скидку, нервничать. Партнёр смотрит и говорит:

— Да купи уже нормальную.

Чудесная фраза. Особенно если хочется поссориться до доставки.

Для одного «купить нормальную» означает решить проблему. Для другого — потерять контроль.

И наоборот. Человек из бедной семьи после роста дохода иногда начинает тратить демонстративно именно потому, что очень долго не мог. Хороший ресторан, дорогая одежда, машина, поездки. Это может выглядеть как банальная инфляция образа жизни, но иногда за ней находится значительно более старый сюжет: я больше не тот человек, который должен смотреть на цену.

Партнёр из обеспеченной семьи способен относиться к

деньгам спокойнее и внезапно выглядеть более экономным. Ему ничего не нужно доказывать через чек. Он рос среди вещей, которые второй только недавно начал себе позволять. В результате человек, переживший нехватку, может тратить больше того, кто никогда её не переживал.

Финансовое поведение плохо подчиняется простым моральным сказкам.

Даже отношение к долгам часто приходит из семьи. Если родители годами жили в кредитах, звонили банки, долги перекрывали долгами, взрослый ребёнок способен считать любой кредит почти моральным преступлением. Через двадцать лет он встречает человека, чьи родители спокойно брали ипотеку, досрочно гасили её и никогда не испытывали драматических чувств к банку. Для него кредит — инструмент. Для первого — запах дыма.

Они начинают обсуждать ипотеку.

Один говорит:

— Нормальная ставка, платёж тянем.

Второй слышит:

— Давай добровольно повторим худшие годы твоего детства.

И опять Excel не спас.

Можно продолжать долго. Кто платил в ресторанах у родителей. Кто принимал крупные решения. Знала ли мать, сколько зарабатывал отец. Имела ли она свои деньги. Просил ли отец разрешения на покупки. Помогали ли родственни-

кам. Давали ли детям карманные деньги. Обсуждали ли наследство. Стыдились ли бедности. Демонстрировали ли достаток. Прятали ли покупки. Скандалили ли из-за долгов. Всё это постепенно создаёт финансовый язык человека.

Потом два языка встречаются.

Иногда они похожи. Тогда повезло.

Иногда нет. Тогда люди годами разговаривают с финансовым акцентом и удивляются, почему второй такой тупой.

Особенно смешно, когда оба считают собственную систему единственно взрослой. Человек, который ведёт бюджет до копейки, смотрит на партнёра без таблицы примерно как хирург на человека, который собирается удалить аппендикс кухонным ножом. Партнёр считает его человеком, который способен превратить покупку зубной пасты в заседание совета директоров. Возможно, один действительно организованнее. Но сама привычка считать ещё ничего не говорит о качестве отношений с деньгами. Можно идеально вести бюджет и регулярно использовать деньги для контроля другого. Можно ничего не записывать и иметь отличную финансовую систему.

Проблема начинается не там, где люди разные. Было бы странно требовать, чтобы двое взрослых пришли в отношения с одинаковой историей, одинаковым доходом, одинаковым страхом риска и одинаковой любовью к депозитам. Тогда проще было бы жениться на собственной копии и экономить на спорах.

Проблема начинается, когда различия остаются невидимыми и вместо них появляются моральные ярлыки.

Ты жадный.

Ты безответственная.

Ты помешан на деньгах.

Ты вообще не думаешь о будущем.

Для тебя только работа важна.

Ты привыкла, что за тебя платят.

Ты считаешь каждую копейку.

Ты не умеешь жить.

Очень мало подобных фраз описывают человека. Обычно они описывают столкновение двух финансовых систем.

Если партнёр хочет резерв больше вашего, он не обязательно трус.

Если хочет тратить больше, не обязательно идиот.

Если ему важны личные деньги, это не автоматически подготовка к побегу.

Если хочет общий счёт, не обязательно пытается получить доступ к вашему кошельку.

Если считает 50/50 справедливым, возможно, так выглядит справедливость в его голове.

Если считает 50/50 чудовищной идеей, у него тоже может быть вполне последовательная логика.

Сначала полезно узнать логику. Спорить можно потом. Люди никуда не денутся. Особенно если ипотека.

Есть простой разговор, который значительно полезнее

многих разговоров о том, сколько процентов дохода откладывать. Не нужно устраивать вечер финансовой терапии со свечами и распечатанными вопросниками. Достаточно однажды рассказать друг другу, как деньги выглядели дома.

Не сколько родители зарабатывали. Иногда дети этого вообще не знают. Как они себя вели.

Кто решал.

Кто просил.

Кто боялся.

Кто тратил.

Кто скрывал.

Что происходило, когда денег не хватало.

Что считалось богатством.

За что было стыдно.

Кого называли транжирой.

Кого скупым.

Покупали ли дорогие вещи, когда денег объективно было мало.

Был ли у кого-то тайный запас.

Очень быстро выясняется, что нынешняя семейная бухгалтерия имеет подозрительно много общего с людьми, которые вообще живут в другом городе и не подозревают, что участвуют в вашем браке.

Антон из начала главы после нескольких подобных разговоров может впервые увидеть, почему Марина так зацепилась за фразу «я всё тяну». Не потому, что спорит с разме-

ром его зарплаты. Он действительно приносит больше денег. Спор идёт о том, что считается вкладом и кому из этого вклада принадлежит право принимать решения.

Марина может увидеть другую часть. Антон не обязательно пытается уменьшить её роль. Он всю жизнь понимал финансовую ответственность именно так: тот, кто обеспечивает денежный поток, в плохой ситуации отвечает за то, чтобы семья не упала. Его фраза «я буду всё тянуть» одновременно содержит и превосходство, и страх. Иногда больше второго.

Это ещё ничего не решает. От понимания детства ипотека не уменьшается, доходы не выравниваются, ребёнок не начинает самостоятельно забирать себя из сада. Но появляется шанс обсуждать реальную проблему.

А реальная проблема обычно конкретнее.

Антон боится, что уменьшение дохода Марины сделает семью слишком зависимой от его работы.

Марина боится, что сокращение своей карьеры сделает её слишком зависимой от Антона.

Вот теперь перед нами прекрасный семейный парадокс: оба боятся зависимости и поэтому спорят друг с другом.

С таким уже можно работать.

В следующих главах мы будем говорить о том, что считать общим, сколько личных денег должно оставаться у каждого, справедливо ли делить расходы пополам, что делать при огромной разнице доходов, кому принадлежит капитал, если один зарабатывал, а второй освобождал ему для этого жизнь,

и почему человек с большей зарплатой иногда незаметно получает больше голосов в семье. Но начинать приходится отсюда.

Не со счёта.

С людей, которые этот счёт открыли.

Потому что у пары редко бывает только два банковских приложения. За столом всегда сидят ещё несколько невидимых людей: отец, который отдавал зарплату матери; мать, которая прятала наличные; дед, потерявший накопления; родители, всю жизнь жившие в долг; семья, где деньги не обсуждали; семья, где обсуждали только деньги. Они не платят ипотеку и не покупают продукты, но время от времени довольно громко голосуют.

Полностью избавиться от их голоса не получится. Да и не нужно. Некоторые семейные правила вполне хороши. Кто-то научился благодаря родителям копить. Кто-то — не зависеть от чужих денег. Кто-то — щедрости. Кто-то — осторожности. Проблема не в наследстве само по себе. Проблема в наследстве, которое вы считаете законом природы.

Поэтому перед тем как строить «наши деньги», полезно понять, что именно каждый принёс в это «наши».

Не только зарплату.

Всё остальное тоже.

Глава 2. «У нас всё общее» — это не финансовая система

Фраза «у нас всё общее» обычно произносится с таким выражением лица, будто люди только что решили главную финансовую проблему человечества. Красиво звучит. Тепло. Почти пахнет семейным ужином и ипотекой, которую почему-то обязательно будут платить легко. Один счёт, одна жизнь, одна корзина в супермаркете, два человека, которые настолько доверяют друг другу, что больше не собираются выяснять, где заканчивается «моё» и начинается «твоеё». Иногда эта система действительно прекрасно работает. Иногда спустя десять лет выясняется, что оба всё это время вкладывали в слово «общее» совершенно разный смысл.

У Павла и Лены всё было общее. По крайней мере, они так говорили. Павел получал около шестисот тысяч рублей, Лена — двести с небольшим. Деньги приходили на разные счета, потому что зарплата всё-таки не семейная коммуналка, но дальше различия вроде бы заканчивались. Павел платил ипотеку и основные крупные расходы. Лена покупала продукты, оплачивала ребёнка, одежду, бытовые вещи, часть поездок и всё то, что обычно не выглядит большой статьёй, пока однажды не попробуешь сложить за год. Никто никому не выставял счёт. Когда нужно было купить холодильник, деньги брали там, где они были. Когда ехали в отпуск, Павел

платил за билеты, Лена за гостиницу. Когда у неё не хватало, он переводил. Когда у него заканчивались деньги на карте после крупной покупки, она оплачивала обычную жизнь. Всё общее. Хорошая семья. Никаких Excel, никаких расписок на упаковку подгузников.

Проблема появилась из-за денег, которые вообще никто не собирался тратить.

Павел получил крупный бонус — два миллиона рублей. Сказал об этом вечером между ужином и разговором о том, что у ребёнка снова закончились какие-то совершенно необходимые цветные картонки по цене небольшой нефтяной компании.

— Отлично, — сказала Лена. — Половину можно наконец отправить в резерв, а остальное оставить на первый взнос за квартиру побольше.

Павел посмотрел на неё.

— Какую половину?

— Миллион.

— Я хотел вложить всё в бизнес.

Лена сначала решила, что не поняла.

— Какой бизнес?

У Павла был знакомый, запускавший проект. Проект выглядел перспективно. Во всяком случае, так обычно выглядит проект, пока он ещё не начал просить второй транш. Павел давно думал войти небольшой долей.

— Два миллиона — это небольшая доля?

— Для такого проекта да.

— А ты собирался мне сказать?

— Я сейчас и говорю.

Потом прозвучала фраза, ради которой семейные психологи, видимо, и платят ипотеку:

— Но это же мой бонус.

Лена несколько секунд молчала.

— В смысле твой?

— Ну, я его заработал.

Вот тебе и всё общее.

Причём Павел не пытался никого обмануть. Если бы Лена попросила сто тысяч на что угодно разумное, он бы перевёл, не задавая вопросов. Если бы понадобилось лечение, деньги ушли бы туда. Если бы семье срочно потребовалась машина, тоже. Он искренне считал себя человеком, который делится всеми деньгами. Но внутри его головы существовало различие, которого Лена раньше не замечала. Зарплата была семейной, потому что на неё жили. Бонус был его, потому что возник благодаря его работе и лежал за пределами обычной жизни. Эта граница никогда не обсуждалась. Она просто существовала.

У Лены была другая модель. Если один человек работает на высокой позиции, а второй несколько лет берёт на себя большую часть ребёнка, быта и всего организационного мусора вокруг семьи, бонус первого является результатом общей конструкции. Она не думала, что половина суммы при-

надлежит ей лично. Она вообще не делила её физически. В её картине два миллиона просто появились у семьи. Решать, что делать с ними, должны оба.

Один и тот же банковский перевод существовал одновременно в двух финансовых системах.

Так работает слово «общее». Оно очень удобное, пока не появляется ситуация, которой раньше не было. Наследство. Большой бонус. Продажа бизнеса. Крупный подарок родителей. Неожиданная премия. Долг. Желание инвестировать. Покупка дорогой вещи. Человек годами может считать, что всё понятно, потому что бытовые расходы проходят без конфликтов. Потом приходит сумма побольше, и семья внезапно обнаруживает конституционный кризис.

Само понятие общих денег можно разобрать хотя бы на четыре разные вещи: кому деньги принадлежат, кто имеет к ним доступ, кто принимает решения и кто отвечает за последствия. В хорошей спокойной жизни эти четыре пункта часто сливаются. Кажется, что раз счёт общий, значит и всё остальное общее. Но это разные права.

Допустим, деньги лежат на счёте мужа. Жена имеет карту к этому счёту. Значит, доступ у неё есть. Может ли она взять миллион и вложить его без разговора? Скорее всего, нет. Значит, доступ не равен праву решения. Если миллион потерян, чей это убыток? Если семья считает деньги общими — общий. Если отношения заканчиваются, кому юридически принадлежат активы — уже третий разговор, который

может вообще не совпасть с тем, как супруги думали о деньгах за кухонным столом.

Можно иметь полный доступ к деньгам и почти никакой власти над ними. Человек знает пароль, пользуется картой, оплачивает продукты и детский сад, но крупные решения принимает второй. Внешне общий бюджет. По устройству — банковская карта сотрудника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.